

— Сейчас его состояние крайне опасно.

Ци Чуань стоял за односторонним стеклом, глядя внутрь, на Ци Ханя, и говорил с заметной неловкостью:

— Обычно, если человек в короткий срок переживает слишком сильное потрясение, психика ломается. Начинается острый деструктивный синдром — сильная тяга к самоуничтожению, спутанное сознание, размытая грань между реальностью и воспоминаниями. Мы называем это фантомным коконом.

— Если за два-три дня он не очнётся, он может больше никогда не вернуться в сознание.

Фу Гэ медленно моргнул, голос его прозвучал почти отстранённо:

— Точно так же, как когда-то я.

Ци Чуань на секунду замер, затем негромко выдохнул:

— Да... — он провёл языком по сухим губам. — Ты тогда выкарабкался без лекарств. Это было почти медицинским чудом. Но Ци Ханю будет тяжелее. Его тело уже на грани.

Фу Гэ коротко усмехнулся, но в его взгляде было только пустое одиночество. Он поднял глаза, посмотрел сквозь стекло, на человека по ту сторону.

Ци Хань.

Он даже не дышал, как живой человек. Больше походил на труп, который забыли похоронить.

Грязные бинты небрежно обвивали его шею, пропитанные потом, кровью, болью. Там, где когда-то было гладкое, сильное горло, теперь зияла глубокая, рваная рана, чуть правее кадыка — след от той самой стальной ручки, пробившей трахею. Шов снова разошёлся, и свежая кровь сочилась на испачканную ткань.

Некогда всемогущий, недостижимый глава Ци теперь валялся в углу, как мусор.

Фу Гэ осознавал, какую цену платит за этот поступок. Он знал, что укрывать смертника — всё равно что самому подписывать себе приговор. С того момента, как он перехватил оружие на прибрежном шоссе и вытащил его оттуда, прошло всего пять часов.

Ци Хань не позволял никому прикасаться к себе.

Даже приближаться.

Стоило врачу шагнуть ближе, как он впадал в бешенство, дёргался в цепях, вырывался, как раненый зверь, не различая, друг перед ним или враг. Но когда он оставался один, он замолкал. И пристально смотрел в пустой угол комнаты.

Фу Гэ не спрашивал, что он там видит, он и так знал.

— Четыре дня... и ты уже не можешь выдержать?

Он сжал пальцы, вдавливая ногти в ладони, ощущая горький, едкий ком в горле.

— А я жил в этом аду три года.

Ци Чуань молча смотрел на него, затем осторожно предложил:

— Если ты не хочешь с этим возиться, мы можем просто избавиться от него. Либо оставить в безлюдном месте, либо сдать полиции. Он в розыске по всей стране, не стоит тебе рисковать.

— Тогда выбросьте его.

Фу Гэ говорил спокойно, равнодушно, как будто обсуждал поломанную вещь.

— Я вышел из этого за три дня. Если он не очнётся за то же время, значит, уже неважно.

Ци Чуань замер, посмотрел на него внимательно, будто хотел что-то сказать, но в итоге промолчал.

— Нужны лекарства? — после долгой паузы спросил он. — С медикаментозной поддержкой и физическим воздействием он придёт в себя быстрее.

Фу Гэ едва заметно нахмурился.

— Медикаментозная поддержка? Это пероральные препараты или внутривенное? И что ты имеешь в виду под физическим воздействием?

— Внутривенное. А физически — электростимуляция или уколы в кончики пальцев.

— Какая вероятность, что это поможет?

— Зависит от человека.

— Нет!

Фу Гэ сжал пальцы, словно хотел вернуть контроль над голосом, затем повторил, более ровно, но не менее твёрдо:

— Не трогайте его. Никаких лекарств. Никаких стимуляций.

То же самое грязное стекло, тот же подвал, в котором не пророс бы даже слабый луч света, те же цепи, тяжёлые до онемения конечностей, даже поза, в которой его связали, была точь-в-точь такой же, как тогда, в той запертой комнате, где когда-то был оставлен Фу Гэ.

Жизни их перевернулись, вспоров друг друга изнутри. Теперь Ци Хань испытывал на себе всё то, что некогда выпало Фу Гэ. Но вот что странно — маленький бета не чувствовал радости.

Ци Хань смотрел в угол три часа. И все эти три часа Фу Гэ смотрел на него.

Когда он, наконец, толкнул дверь и вошёл внутрь, ноги у него почти не слушались, кровь отошла, а ветер, гулявший по лестничному пролёту, бил так, будто пытался выдуть из костей последнее тепло.

— Что ты там разглядываешь? — Фу Гэ сидел в кресле, лицо у него было пустым, голос — ровным, как гладь воды перед штормом.

Альфа, подвешенный на цепях, будто не услышал его слов. Фу Гэ повторил, тише, но жёстче:

— А Хань, что ты там видишь?

Ци Хань чуть дёрнулся. Слишком медленно, поднял веки, раскрыл потрескавшиеся губы, голос его был ржавым, как металл, оставленный под дождём:

— Кухня... Он готовит мне рыбу... Жареная жёлтая рыбка... Мы ловили её вместе.

Это было пять лет назад. В тот день, когда они переехали в новую квартиру.

Они копили на неё полгода — Фу Гэ продавал картины, Ци Хань подрабатывал, а потом, когда ключи наконец оказались в их руках, они пошли ловить рыбу, чтобы отпраздновать.

Готовил Фу Гэ. Готовил так, что лучше бы не трогал нож. Он раздавил все жёлчные пузыри, и рыба вышла такой горькой, что от неё сводило скулы. Но он, сидя за столом, кропотливо

вынимал крошечные косточки, чтобы Ци Ханю не попалось ни одной. А Ци Хань, глупо улыбаясь, съел всё до последней крошки.

— Ты счастлив? — спросил Фу Гэ, и в его голосе не было ни насмешки, ни жалости. Только холод.

Ци Хань усмехнулся, приподнял уголки губ — а с них капала кровь.

— Конечно, счастлив. Сяо Гэ — единственный, кто был добр ко мне. По-настоящему добр. Он всегда был рядом, даже когда я вёл себя как последний ублюдок.

— Правда? — Фу Гэ усмехнулся, резко и сухо. — А ведь всё это было ложью.

Ци Хань моргнул.

— ...Что?

Он ещё не успел осознать слова, ещё не понял, что именно в них колет, но Фу Гэ уже вскочил, схватил стакан со стола и швырнул его в угол.

— Нет! — выдохнул Ци Хань, но было поздно.

Стекло разбилось с глухим хрустом. Прямо о фигуру маленького беты в выцветшем фартуке.

И в тот же миг она исчезла.

Ци Хань застыл, широко распахнув глаза. А потом, спустя три секунды, вдруг совсем тихо спросил:

— Где мой Гэ...?

Фу Гэ смотрел на него так, будто смотрел в пустоту.

— Твой Гэ мёртв.

Фу Гэ шаг за шагом приближался, наклонился, взял его за подбородок, заставляя поднять голову, и холодно произнёс:

— Ты замучил его до смерти.

Ци Хань замотал головой, отчаянно отстраняясь, пытаясь спрятать горло от его пальцев, словно мог спрятаться от правды.

— Нет... Нет, это неправда... Мой Гэ жив... Он вернулся... Мы уже женаты...

Фу Гэ вдруг рассмеялся.

— Он вернулся... Ты же сам говоришь — вернулся. А если бы не вернулся? Если бы не выжил? Если бы никто не успел? Если бы он просто не дотянул до спасения, истекая кровью и хватаясь за воздух?

Глухой удар. Альфа врезался спиной в стену. Фу Гэ прижал его сильнее, смотрел прямо в глаза.

— Тогда ты так никогда и не узнал бы, что с ним произошло.

Его взгляд не дрогнул.

— Он мог умереть в день свадьбы. Мог умереть в те четырнадцать дней, что длилось это бесконечное мучение. Мог сгореть в лихорадке, так и не выйдя из очередного обострения. Мог умереть на операционном столе, разрезанный, вывернутый наизнанку, как ненужный кусок плоти.

Фу Гэ склонил голову чуть вбок, будто вспоминая что-то.

— Ах да. Он ведь был таким счастливым молодожёном, что его собственный муж отволол его в бар на потеху чужим глазам.

Бета усмехнулся, но в этом смехе не было ни жизни, ни света. Его всего трясло, дыхание срывалось, и каждое слово он вытягивал из себя с таким усилием, будто оно резало ему горло изнутри.

— Знаешь... В ту ночь... это случилось в двух кварталах от тебя. Всего две улицы. Я кричал... так громко, как только мог. Я звал тебя. Я рвал голос. Но ты... ты так и не пришёл. Если бы не господин Гу... меня бы там просто разорвали.

Ци Хань закачал головой, выдавливая из перехваченного горла что-то несвязное.

— Прости... Я... я не знал... Я шёл к тебе, я искал тебя, я должен был успеть, я...

— Да! Ты пришёл! — резко перебил его Фу Гэ, и на этот раз он почти зашипел, сгибаясь над ним, вдавливая его плечи в стену, наклоняясь так близко, что в зрачках Ци Ханя отражались

только его собственные яростно-красные глаза.

— Я тоже думал, что ты пришёл спасти меня.

Фу Гэ усмехнулся, медленно, безжизненно.

— А ты... ты просто стащил с меня одежду, сжал мне горло и начал допрашивать, как... как именно я с ними спал.

— Ты хочешь слушать дальше? — Фу Гэ наклонил голову, в голосе не было ни дрожи, ни жалости. — Теперь я могу говорить, могу рассказать тебе всё, по кусочку, по деталям.

— Не надо... — Альфа рухнул на пол, жалкий, раздавленный, словно сдувшийся кожаный мяч. Он в панике отползал назад, цепляясь за собственные руки, расцарапывая кожу так, будто мог вырвать из себя эту боль, захлёбываясь слезами и беспомощными всхлипами. — Не говори... Я прошу тебя... Прошу...

— Почему нет? — Фу Гэ шагнул вперёд. — Разве ты не хотел знать?

Он приближался медленно, спокойно, и в этот момент казался страшнее любого демона. Худой, тонкий, словно можно сломать одним прикосновением, но жестокий, безжалостный, как владыка ада.

— Они говорили: «О, так это ж невеста самого Ци Ханя? Только поженились, а уже торгует собой... Повезло ему с мужем».

— «Ты что, не умеешь кричать? Без стонов неинтересно. Ай, ну не плачь, ты только посмотри, как разеваешь ротик — прям немой щенок, жалкий, забавный...»

— Хватит!

Громкий лязг. Цепи с глухим звуком ударились о пол, а Ци Хань, скрючившись у стены, закрыл голову руками.

— Убей меня... — его голос был сломан, сожжён, растоптан. — Убей... Я умоляю, просто убей.

Фу Гэ рассмеялся. Тихо, коротко, ледяным выдохом. На его мраморно-бледном лице эта усмешка смотрелась почти потусторонне.

— Убить тебя? — Он медленно покачал головой. — Так легко ты не отделаешься.

Он достал нож. Без единого колебания закатал рукав и воткнул лезвие в кожу, чуть выше запястья, медленно ведя вниз.

Ци Хань закричал. Дико, обезумело, как раненый зверь.

— Нет! Остановись! Не надо! Больно... больно... Не режь моего брата! Не трогай его!

Он рухнул на колени, слёзы потоком стекали по лицу, кровь наполняла его глаза, и он, задыхаясь, пытался схватить Фу Гэ, не зная, как остановить его, не зная, как вообще остановить этот кошмар.

Но Фу Гэ уже почти не держался на ногах.

Боль — вот единственная сила, которая ещё двигала его вперёд. Любовь и надежда больше ничего не значили.

Он выронил нож, взял первую попавшуюся салфетку, прижал её к руке, будто бы в этом был хоть какой-то смысл.

— Ты уже не можешь выдержать? А у меня впереди ещё много интересного.

Он поднял глаза и усмехнулся, глядя, как Ци Хань медленно умирает изнутри, а потом заговорил спокойно, ровно, будто всё это было не о нём:

— Восемнадцатилетие, день моего совершеннолетия... мой первый раз... Знаешь, ради чего?

Ци Хань вздрогнул.

Фу Гэ склонил голову, прошептал:

— Только чтобы облегчить твою чёртову чувствительность.

Ци Хань выдохнул.

— ...Нет...

Но Фу Гэ не остановился.

— Когда внутренний канал, не привыкший к такому, начали разрывать, я потерял сознание от боли. Но знаешь, что самое забавное?

Фу Гэ наклонился ближе, улыбнулся почти по-доброму.

— Я бы согласился умереть от этой боли. Ведь это был ты.

Маленький бета медленно изогнул губы в усмешке, вытягивая каждое слово, будто впечатывая их прямо под кожу:

— Ты сам сказал мне тогда... что на самом деле у тебя не было никакого обострения. Что ты просто играл, просто хотел помучить меня.

— В ту ночь... ты поставил на мне пожизненный клеймо. А потом, когда я был раздавлен, когда мне нужна была хоть капля тепла, ты вышвырнул меня на улицу.

Воспоминания прожигали сквозь хребет, холодом сковывали позвоночник. Фу Гэ до сих пор чувствовал, как тогда мерзло его тело.

— Ты знаешь, как бета без ингибиторов переживает обострение?

— Ты знаешь, что соседи называли таких, как я, шалавами? Что стоило одному узнать, и слух разносился по всему кварталу?

— Ты знаешь, как срезают метку?

— Ты знаешь, что хирург был криворуким мясником, и к середине операции анестезия просто перестала действовать?

Четыре удара, один за другим.

Ци Хань открыл рот, но горло его словно схватили ледяными пальцами, из груди вырывались лишь рваные судорожные звуки. Он поднял руку, и пальцы его, дрожа, почти прикоснулись к животу Фу Гэ.

Глаза его налились кровью.

— Анестезия... перестала действовать?

— Да.

Он всё помнил. Как кожа внутри разрывалась, как каждая новая вспышка боли вырубала его, но затем снова возвращала в реальность, ещё сильнее.

Он не родился любителем боли. Просто тело его, не зная, где искать защиты, научилось само защищаться.

<http://bllate.org/book/14453/1278348>